

В том же манифесте Екатерина так определяет программу своего царствования в явную противоположность политике Петра III: «соблюдение нашего православного закона, .. укрепление и защищение любезного отечества, .. сохранение правосудия, .. искоренение зла и всяких неправд и утеснений» и вообще — «вся благая»; особенно Екатерина оговорила («наиторжественнейше обещаем нашим императорским словом») введение важнейшей правительственной реформы — «узаконить такие государственные установления, по когорым бы правительство любезного нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтоб и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка, и тем уповаем предохранить целость Империи и нашей самодержавной власти, бывшим несчастьем несколько испроверженную, а прямых верноусердствующих своему отечеству вывести из уныния и оскорбления»,¹ — т. е., в конце концов, всего лишь создание планомерно действующего бюрократического аппарата, как опоры и послушного проводника велений самодержавной императорской власти. Таким образом самодержавие остается непоколебленным, даже закрепляется, но перестает быть «необузданным» самовластием ее мужа.

В этом перечне обещанных Екатериною благ многое ли должно было показаться приятным простодушным читателям и слушателям ее манифеста? Она, видимо, едва ли думала, что все. Несомненно одно, что широкая дворянская масса должна была восторженно принять ее обещания, ибо они гарантировали ей сохранение социально-политического status quo целиком. Более того, правильная налаженность бюрократического аппарата и гражданской службы открывала и ее молодежи и ее боевым ветеранам обширные поприща службы и «безгрешного» обогащения. Во всяком случае Екатерина сочла нужным, за явную недостаточностью ее обещаний для широких не дворянских, а народных, т. е. прежде всего крестьянских масс, кончая манифест, еще раз воззвать к чувству, — она говорит: «Наше искреннее и нелицемерное желание есть прямым делом доказать, сколь мы хотим быть достойны любви нашего народа, для которого признаваем себя быть возведенными на престол».²

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 222.

² Там же.